

Позади была первая командировка на фронт. После нее двадцатилетний поэт Константин Симонов написал письмо Валентине Серовой. Оно начиналось так: *Жди меня, и я вернусь. Только очень жди, / Жди, когда наводят грусть / Желтые дожди...*

Он считал эти стихи своим личными. Опубликованы они были только в январе 1942 года в «Правде». Редактору не понравились «желтые дожди». Наконец редактора убедил пример размытых осенними дождями российских дорог, где глина по колено... Позже были попытки положить эти стихи на музыку, но такого «попадания», как с «Землянкой», не было...

***
...Мы ждали захода солнца, сидя на невысоком бетонном парапете, отделявшем город от пустыни. Сзади, там, где солнце готовилось погрузиться в Средиземное море, холмы становились голубыми от стремительно расплывавшихся теней. Когда голубой переходил в синий, зажигались огни. Там были скоростные автострады, отели, кондиционеры, телевизоры и 95-й год. Там шло время, но мы сидели к нему спиной.

А впереди не было ничего. Вернее, была вечность, как отсутствие времени и жизни. Пустыня уходила к горизонту красно-голубыми отрогами. Мертвое море вдали тоже было частью пустыни — узкая полоска соленой и неподвижной воды.

В Израиле наступал исход субботы. Мы поднимались и отправлялись к человеку, ради которого и приехали в Арад — город на самом краю пустыни Негев.

О Шломо Дрори я услышал по израильскому радио. Точнее, сначала я услышал песню на иврите. Мягкий мужской голос, светлая и грустная мелодия. Приемник работал в машине,

мы подъезжали к Иерусалиму. Шофер начал переводить: «Как я выжил, будем знать только ты и я, потому что только ты так умеешь ждать...»

— ...мы с тобой, — автоматически поправил я. — Просто ты умела ждать, как никто другой. Это «Жди меня» Симонова.

— Нет, этой песне уже много лет. Ее знает каждый, а написал Шломо Дрори. И поет тоже он. Это песня об Израиле.

Мы нашли Шломо и договорились о встрече в субботу. Но с субботой в Израиле сложности. В этот день так много «нельзя», что для «можно» почти не остается места. Нашли компромисс. Интервью состоится после заката. Шломо уже ждал нас. На столе — крепкий кофе и арбуз, странным образом не имеющий косточек.

Ни Шломо, ни его предки никакого отношения к России не имели.

— А Константина Симонова, русского поэта, вы знаете? — задал я вопрос, с которым, собственно, и приехал.

— Симоноф, — старательно повторил Шломо, явно винясь за произношение. — У меня даже есть фотография его и Серовой. Эти фото подарил мне мой друг несколько лет назад. Он русский, из Ленинграда.

— Я хочу вам сказать, что только люди, одинаково владеющие русским и ивритом, способны оценить качество перевода этих стихов, — сказал Илья, который в этот вечер взял на себя роль переводчика. Авраам Шленский перевел на иврит всю русскую классику — от Пушкина до Шолохова. «Жди меня» — тоже его перевод, почти дословный.

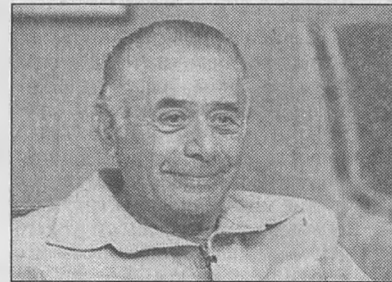
— В 42-м году я служил в еврейской бригаде английской армии. — продолжал Шломо. — В Хайфском порту мне нужно было смотреть, чтобы в порт не

Общая газ. - 1995. - 16-22 нояб. - с. 15.
Атхакиль — «Жди меня»

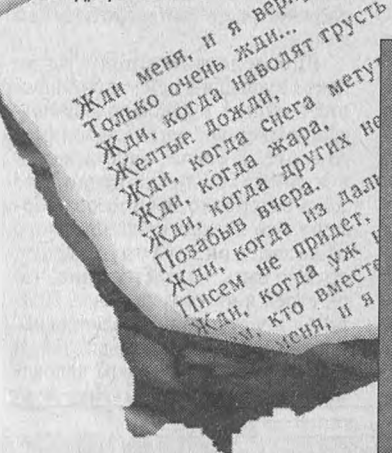
проникли итальянские подводные лодки. Они туда никогда не заходили. И я читал книжки на посту. В тот день со мной была книжка русских стихов в переводе на иврит. Называлась она «Атхакиль» — «Жди меня». Я словно услышал мелодию. Она родилась у меня в сердце. В нашей части был человек, который умел записывать ноты. Скоро «Жди меня» знали и пели во всей армии. Мы создали ансамбль и стали с этой песней выступать.

— Невероятно — стихотворение, опубликованное в «Правде» в январе 42-го года, оказалось в Палестине, переведенное и изданное...

— С великими произведениями часто случаются невероятные вещи. «Жди меня» как раз из таких. С ним связаны у меня гораздо более невероятные истории. До войны мы жили в Австрии, в Вене. У нас была большая семья. Звали меня тогда Соломон Дойчер, Шломо Дрори я стал уже здесь, в Израиле. У мамы была сестра, которая задолго до войны вышла замуж за американца и уехала к нему в США. Когда пришли нацисты, мне одному удалось бежать из Австрии в Палестину. Мне тогда было 17 лет. И долгие годы я ничего не знал о судьбе моих родителей. И, конечно, не надеялся увидеть их вновь. Я знал о концлагерях и гетто. И вот однажды приходит приказ. Наша бригада переводится в Италию, куда незадолго до этого вошли союзные войска. А наш ансамбль, который к тому времени был уже довольно хорошо

Шломо Дрори. 1995 г.

известен, должен был выступать на сцене оперного театра в итальянском городе Бари.

Полный зал, мы стоим за кулисами и готовимся к выступлению. Вдруг подходит солдат и спрашивает: «Кто здесь Соломон Дойчер?» — «Я, — говорю, — а в чем дело?» — «Там вас ждет ваша мама». Я ничего не мог понять, не мог поверить. Моя мама в итальянском городке... А солдат на все «как» и «где» только пожимал плечами. «Ничего

ДОРОГИ

Встреча с матерью. 1942 г.

не знаю. Какой-то американский офицер спрашивает вас и говорит, что с ним ваша мама».

Я выглянул в коридор и сразу ее узнал. Хотел броситься к ней, но одна артистка

из нашего ансамбля меня удержала: «Нельзя так неожиданно появляться, Соломон. У твоей мамы может не выдержать сердце. Давай выходить по одному, и, когда ты выйдешь последним, она не будет уже так волноваться». Я был так растерян, что этот план показался мне разумным. И еще мы договорились, что никто ни в коем случае не будет плакать. Нас было в ансамбле двенадцать человек. Я вышел последним. Мама меня не узнала. А я смог сказать только одно слово. Я сказал: «Мама». И все заплакали.

Офицер, ответственный за концерт, усадил маму в первом ряду, а потом поднялся на сцену и сказал: «Солдаты! Наш певец только что встретил свою маму, которая бежала от нацистов из Европы. Сейчас он споет песню, которую написал специально для нее. «Атхакиль» — «Жди меня».

В первом ряду сидит мама и плачет. И чувствую, что не могу петь. Я убежал со сцены. А в зале раздались такие аплодисменты, как будто перед ними выступал Пavarотти.

Все решили, что я разволновался из-за встречи. А я стоял и думал, что все это неправда, что я не писал эту песню для мамы. Как я хотел в тот момент, чтобы это было так. Но какой двадцатилетний юноша посвящает такие песни маме? И я чувствовал, что не могу ее обманывать с первых же минут нашей встречи.

Мы с мамой проговорили всю ночь. Рассказывали о том, что пережили за эти долгие годы. Я узнал, что отца немцы убили, а маме удалось бежать сначала в Венгрию, потом в Югославию. Из Югославии ей помогли перебраться в Италию. Несколько лет ее прятали в монастыре католики. Там она дождалась союзников.

Как-то в октябрьский праздник, в Судный день, мама при-

шла в римскую синагогу. Стояла и плакала. К ней подошел молодой американский офицер и заговорил на идиш. «Не плачь, — сказал он, — Бог поможет тебе». «Как Бог может мне помочь?» — ответила мама. — Я потеряла мужа и сына, у меня нет дома. Чем Он может мне помочь?» Офицер хотел как-то подбодрить ее и начал расспрашивать: «Как тебя зовут? Откуда ты родом?» Когда мама ответила, американец просто остоленел. Это оказался сын ее сестры, уехавшей с мужем в Америку. «Теперь ты видишь, как Бог может помочь?» — сказал он. — А как звали твоего сына, что с ним случилось?» Мама рассказала, что ничего не слышала обо мне много лет, но хочет верить, что мне удалось добраться до Палестины. «Соломон Дойчер?» — переспросил офицер. Он тогда ничего не стал говорить маме, просто снял для нее комнату, помог с одеждой и продуктами. Но он навел справки обо мне и узнал, что буквально через две недели наша бригада и ансамбль, в котором я был солистом, должны приехать в Италию. Когда пришло время, он пригласил маму на концерт. Ну, а что было потом, вы уже знаете.

Мы еще долго разговаривали со Шломо Дрори. О Мертвом море и о войнах, о пустыне и о том, как люди превращают ее в сады и леса. Я рассказал о нашем споре с шофером по поводу стихов Константина Симонова.

— А знаете, Шломо, парень был не так уж не прав. Эти стихи вполне могли быть о вашей стране и об этой земле. Шломо долго смотрел на меня серьезно, потом рассмеялся. — Что творится! Русские учат нас сионизму.

Михаил ДЕГТЯРЕВ
Арад — Москва